

Два блокадных дневника. Две родные сестры — питерские интеллигентки, сестры милосердия в Первую мировую войну. Учитель и врач. Две православные христианки. Татьяна Константиновна Великотная и Вера Константиновна Берхман.

Татьяна Великотная: Папа стал слабеть с каждым часом. В эту неделю все кругом говорили о хлебной прибавке. Я лихорадочно ждала каждого нового дня, чтоб получить новую порцию побольше, и чтоб папа хоть немного подкрепился хлебом. Раз ночью папа услышал, как я шепчу молитву «Отче наш». «Прочти еще раз», — сказал он мне. Я прочла, а он повторял за мною. Папа сказал мне как-то ночью: «Ты сходи в Шувалово, как немного поздоровеешь, и причастись». Все это я тебе пишу затем, чтоб показать тебе, как душа человека перед смертью ищет сближения с Богом, ищет идеала вечной правды и вечной жизни.

Сварила в печке половину той кошачьей шкурки, что Н. А. опалил и повесил за окно перед болезнью. Выстригла ножницами, сколько могла, шерсть, и кусочки залила водой. Через 3 часа ела (пахло паленым) с хлебом. Дома Катюша сообщила, что опоздала прикрепить в гастроном наши карточки — это очень неприятно, т. к. гастроном лучше всех снабжает и там нет лестницы. Меня качает при ходьбе, ножки, как спички, не держат. Воду из колодца могу брать лишь утром после сна, когда отдохнула.

Сейчас 6 ч. веч[ера], светло, могу еще немного почитать. Утром, лежа, читала дипломатию, очень интересная книга о дипл[оматии] Византии и княж[еской] Руси. Но книга по весу тяжела для моих исхудавших рук, и я не могла ее держать долго в лежачем положении. Для этого лучше Ключевский. Чувствую, что даже на пуховой подушке больно сидеть. Ноги стынют даже в ватиновых чулках.

Хотелось бы также, чтоб Евд. Георг. пришла почитать мне Евангелие. Она хочет приготовить меня к переходу в лучший мир. Не дожидаясь ее, я и сама начну читать Святую книгу. В тишине это очень хорошо. М[ожет] б[ыть], она приведет ко мне священника. Это будет величайшее счастье для меня исповедоваться и приобщиться Св[ятым] Таин. Это последняя запись в дневнике Татьяны Константиновны. 1 апреля 1942 года она скончалась.

Вера Берхман. Записки оставшейся в живых.

Правду сказать, что вши еще водятся понемногу, хоть и моюсь, но еще все нет горячей водой. Отстираться за зиму нет сил, многое со вшами и гнидами брошено в печку из-за невозможности откипятить — и все еще 1–2 вшинки найду в рубчиках рубашки.

Я стесняюсь того, что — почему-то — осталась жива, когда те дорогие, хорошие умерли. У меня дрожащее сердце, кувыркающееся при ходьбе, и совершенно сухие глаза. Я не плачу. Я — не я. Их вспоминаю, что ни шаг. Они во мне живут, как в пустой квартире. Я слышу их шаги. Так что же вы не входите, входите, появьтесь, я не испугаюсь!.. Я слышу все время ваши голоса!.. Я слышу Танины песенки и прибаутки, я слышу низкий голос Ксении, побуждающий бодриться и встать из своего гроба — и вместе с тем я больше труп, нежели они...

Не было надежды, что М. А. доживет до утра, но когда я пришла к себе домой, то ключ, которым я всегда открывала дверь в свою комнату, не открывался. М. А. все хрипела и хрипела. Я же очень хотела прочитать над ней молитвы. А ключ не открывал комнату. Что тут было делать? И вдруг я поняла, что это за то, что я уносила с А. П. некоторые вещи из ее комнаты, когда она это могла понять. Какие дикие выходки делаем мы теперь! Кого мы боимся? Для чего творим? Неужели не успеть потом? Разве мне нужны эти вещи, которые я все равно раздаю ее клиенткам? Как стало мне сразу все понятно. Господь рассердился, и Ангел Его не пускает меня в комнату. Я стала на колени перед дверью. «Ради ее души, — так сказала я, — не ради моего безобразия!», — и сразу ключ открыл дверь. Я пошла к ней и читала, читала при свете синей лампы. И когда прочитала, заснула как убитая. Просыпаюсь — светло, утро. М. А. лежит холодная с открытым ртом.

В квартире уже умерли все, кроме нее, этой старухи (квартира, видимо, коммунальная), а я в бегах. Я буквально умирать пришла в свое логово — и встречена была как обреченник. «Иди в свою комнату, возись с тобой не хочу и не буду. Иди, скорей помрешь в холоде. Никакого толку с тебя, я же вижу». Я

была столь апатична, что пошла в свой холод и легла на кровать, стоящую поперек, а не вдоль. Мне было все равно и не обидно ничего и ни на кого не было зла. Старуха снова вошла и сказала: «В Жакт заявлю, тебя выволокут, а мне хватит смертей. Сама еле-еле...» Однако прикрыла пальто (Господь согрел ее сердце). Через неск[олько] минут вошла: «Иди, грейся! На кушетку уложу. Самовар у меня наставлен... Все ж таки теплее. Кто тебя знает, может быть, неровен час, вытянешь?» Это была вполне сама обреченная старуха. Она уже никого не любила и не любила, она уже от всего отошла в усталости и цинге, но кто же побудил эти руки, ноги, голову, это ее дрожащее сердце отрезать мне ежедневно, не имеющей карточки, по кусочку своего иждивенческого хлеба. Кто грел меня самоваром, как не она! Она ворчала на мое состояние, говорила в глаза ужасы и все-таки тянула в жизнь.

Катя с дедушкой и еще несколько церковных пели Повечерие и читали, и снова пели и молились всем Святым. Ксения, сидя на своей кровати (на которой и умерла), вторила им, полусидя на подушках, и сама задавала тон и возглашала: «Св[ятая] Преподобн[ая] Ксения, моли Бога о нас!», «Преп[одобный] отче Серафиме, моли Бога о нас!», «Преп[одобные] о[тче] Сергие, Ниле, Св[ятой] отче Николае, молитесь Бога о нас!». Пришли тут и из № 16-го, человек 12–14 собралось, я не вторила им... только я. Посидев немного у печки, которую топили картонками и переплетами, я тихо пробралась в свою квартиру и легла. Дороже всего были мне не эти умиравшие и славящие Бога люди, а свой покой, свое тепло, корка хлеба и горизонтальное положение без дум о чем-либо в замерзающей квартире.

И когда — подсказывает мне неусыпающая память — твоя родная сестра написала тебе карандашом при свете копилки длинное письмо о своей скорби, о смерти Коли, о съеденной кошке, о своем голоде, холоде, о чужих людях и о своей обреченности, ты не только не ответила ей (ты, может быть, и не могла бы как следует написать из-за рук, обстановки, недостатка чернил, угла — где сесть, написать), но ты заявляла: «Бог с нею, Бог со всеми, пусть все умирают», да и вообще никаких сил не приложила написать хоть только открытку. Она и голодающая сделала все со своей стороны, чтобы войти с тобой в общение, а ты? Таких укоров много теперь. Не перечить. **А вот что важно отметить: почти все, которые умерли, они до самой смерти, до последнего вздоха поднимали и подняли знамя духа над плотью.**

Люди хоронили своих близких, чего бы им ни стоило, на свои карточки, люди пробирались через пространства к своим, чтобы похоронить, хоронили просто знакомых (ближних!), не родных (Сусанна), боролись со смертью, поднимали дух упавших. И я знаю людей, которые это делали, я же спала и сплю.

Сколько у меня раньше было молитв и просьб к Богу. Теперь — никаких. Полное одиночество, 100 % изоляция от себе подобных, так в этот час мне кажется, что 100 %. И свою заключенность в вымершей квартире я принимаю как великое благо. «Христе, Свете истинный! — так говорю я Богу. — Ты так долго, так долго не идешь посетить мою озверевшую душу. Ты совсем пропал из меня. И вот я Тебе, Господи, что говорю сейчас? Ни слез, ни горя, ни радости я не ощущаю. Все исчезло — все прошло. И единственно, что я могу Тебе сказать, — это то, что я одна теперь, Господи! Я одна, одна, одна...» И вот, случилось какое чудо. После последних написанных строк я взяла Евангелие, давно не читанное. Раскрыла и читаю, и глазам своим не верю — и кто тому может поверить? «Но Я не один, потому что Отец со Мною».

Вчера, 20 августа 1942 г., после долгой разлуки с церковью, я могла быть у обедни и приобщиться Св. Таин. Это первое причастие после 4/II—1942 г., после того Соборования и Приобщения в комнате Ксении. Меня поразила в церкви общая молитва людей в приходе. Как молятся! Сколько слез! У меня было такое чувство, будто и сюда пришла не снова, а в первый раз. Меня все встретило новизной. И вопросом — почему я так долго здесь не была? Из-за ног? Из-за сердца? Не оправдание. У всех и ноги, и сердце, и все стоят, молятся, плачут. Я по-прежнему тупая тварь. Но, побывав в церкви и приобщившись Св. Т[аин], я особенно чувствую в своем одиночестве, что я ни в коем случае — жизнь ли? смерть ли? — не одна.

Комментарии читателей. 2014-01-29 14:54 Людмила: *Какая красота христианской души! её сила и слабость! как близко БОГ! такая честность и ни капли самооправдания!*

2014-01-29 12:09 Ольга: *Светлая память всем пережившим такое! Надо обязательно читать молодым поколениям эти дневники. Нет у нас права забыть о том, что претерпел народ. Помяни их, Господи, во Царствии Твоём.*

2014-01-29 01:41 Лиза: *Господи, спаси нас всех!!!!*